

Нина отправилась в свою комнату спать.

В этом мире большинство людей рано ложились спать и рано просыпались — часы после захода солнца представляли опасность, мерцающий свет «Сотворения Мира» искажал весь мир до предела, и даже если город защищали огни, люди все равно должны были встречать ночь с осторожностью.

Они не могли выйти на улицу и собраться, не могли где-то развлечься, и хотя чтение книг ночью было не так опасно, как чтение в море, оно могло легко привести к умственному истощению, галлюцинациям, а иногда и привлечь нежелательные посторонние взгляды, так что, учитывая все обстоятельства, самым безопасным вариантом было лечь спать пораньше и ждать восхода солнца на следующий день.

Дункану, однако, спать ничуть не хотелось.

Погасив свет в доме, он стоял у окна в рубашке и любовался ночным видом города-государства Пранд, вспоминая свой разговор с Ниной после ужина.

Нина помнила пожар, как и это тело — пожар, во время которого «он» спасся из горящего здания с шестилетней девочкой, а отдаленные улицы охватили безумие людей и туман.

Однако только они двое помнили о пожаре — Нина говорила об этом с другими взрослыми, но ее словам не поверили, назвав их «ошибочной детской памятью после испуга», а газеты одиннадцатилетней давности четко зафиксировали «правду»: в то время на границе между нижнем районом Пранда и «Перекрестком» произошла утечка на фабрике, вызвавшая массовые галлюцинации.

Дункан слегка нахмурился: второе подозрение в этом деле касалось «его».

По словам Нины, «дядя Дункан» тоже не помнил пожара. Она являлась единственной, кто помнил его все это время. Дядя Дункан был одним из тех взрослых, которые считали, что она «просто испугалась и все неправильно помнит».

Но теперь Дункан помнил о пожаре — это были самые глубокие воспоминания первоначального владельца этого тела.

В чем же проблема? Почему в памяти Нины ее дядя не помнил о пожаре, а я нашел соответствующий образ глубоко в памяти этого тела? Неужели ее дядя все это время лгал? Или эта память была запечатана до тех пор, пока я не завладел телом?

Дункан задумчиво постукивал пальцами по оконному стеклу, молча выстраивая в голове хронологию событий.

Он собирал воедино информацию об «Осколке Солнца», полученную им из уст культистов.

Одиннадцать лет назад «Осколок Солнца» впервые появился в городе-государстве Пранд и вызвал сверхъестественное явление, которое могло затронуть большую территорию.

Одиннадцать лет назад Нина осиротела, и в ее и Дункана воспоминаниях присутствовал сильный пожар, произошедший в нижнем районе — но никто, кроме них, не помнил об этом пожаре, и нет никаких доказательств того, что он вообще произошел.

После этого «Осколок Солнца» будто впал в спячку, и единственная запись о событии того года — «Утечка на фабрике».

В течение нескольких лет Нина жила со своим единственным родственником.

Четыре года назад последователи Бога Солнца в городе-государстве Планд попытались преждевременно пробудить спящий «Осколок Солнца» и совершили опасное жертвоприношение, но обряд был прерван новоиспеченным инквизитором Ванной. Силы Культа Бога Солнца серьезно пострадали и после массовой чистки их изгнали из города-государства.

Но, хотя обряд не достиг своей финальной стадии, возможно, что попытки культистов возымели некоторый эффект, и после этого «Осколок Солнца» начал медленно пробуждаться.

Примерно в это время зависимый от Нины «дядя» заболел странной болезнью и попал под ее чары, в итоге поддавшись искушению оставшегося в городе «Осколка Солнца» и став приспешником культа.

Незадолго до этого новости о деятельности «Осколка Солнца» начали привлекать культистов обратно в город, и культисты, скрывавшиеся четыре года, решил возобновить свои обряды, а потом... появился Дункан.

На протяжении всей временной линии многие события кажутся смутно связанными, хоть этому и нет никаких критических доказательств.

Самым подозрительным является событие одиннадцатилетней давности: какое сверхъестественное видение вызвал «Осколок Солнца»? Был ли тот пожар на самом деле?

Неужели власти города-государства стерли правду о несчастном случае и уничтожили следы пожара? А затем, в целях поддержания порядка, объявили все это массовой галлюцинацией, вызванной утечкой на фабрике?

Но это не объясняло, почему все люди не помнили о пожаре — если только власти не приложили усилия к тому, чтобы изменить воспоминания всех участников происшествия.

И еще одно — в мире, где аномалии и видения открыты для общественности, где даже дети знают о существовании и опасностях сверхъестественного, и где власти управляют городом, придерживаясь политики «заранее объявлять об опасностях, чтобы у граждан хватило здравого смысла обезопасить себя», если это действительно был просто пожар, вызванный сверхъестественной силой... то почему они это скрыли?

Если только... за этим пожаром не стояла более серьезная проблема, настолько серьезная, что даже простое ее оглашение привело бы к тому, что некий элемент опасности вышел бы из-под контроля.

Дункан вдруг нахмурился.

Или существовал еще один вариант.

Причудливая природа сверхъестественного явления была такова, что во многих случаях ущерб, причиняемый им, не ограничивался физическим планом, но мог даже исказить человеческое восприятие до такой степени, что искажались свидетельства, которые уже легли на бумагу — что, если на воспоминания людей, их восприятие и даже записи властей города—государства и Собора об этом событии повлиял «Осколок Солнца»?

Дункан чувствовал, что, будучи «новичком» в области аномалий и видений, зашел слишком далеко в своих измышлениях, но, с другой стороны, он не мог перестать думать об этом.

Воспоминания людей, записи властей, даже то, что было написано черным по белому в архивах более десяти лет назад, могло быть искажено — он мог не верить в это раньше, но сейчас он верил в это больше, чем кто-либо другой.

Потому что место, в котором он находился, теперь называлось «Антикварный магазин Дункана».

Все здесь знали своего старого соседа, господина Дункана, владевшего антикварным магазином.

Дункан вздохнул с облегчением и посмотрел вниз через окно второго этажа на освещенную газовыми фонарями улицу.

Теперь оставался только один вопрос.

Независимо от того, существовал ли пожар одиннадцать лет назад или нет, повлиял ли «Осколок Солнца» на память людей и записи, оставленные городом-государством, только один вопрос терзал Дункана: почему о пожаре помнила Нина?

В центре города, в доме, принадлежащим консулу.

Ванна проснулась от кошмара.

Но на этот раз кошмар больше не имел отношения ни к Темному Солнцу, ни к «Затерянному Дому», вернувшемуся из подпространства, — ей вдруг приснилось ее детство.

В ту ночь, полную тумана, дыма, крови и обезумевших толп, когда ей было двенадцать лет, ее нес на спине дядя, убегая от толпы.

Во сне она как будто снова оказалась в том беспомощном, уязвимом состоянии, ее гордость за свои навыки боевых искусств и великие магические способности оказалась напрасной. Она могла лишь бежать, преследуемая толпой и тенями, по трубам и вентилям над фабрикой вместе с дядей, в ужасе глядя вниз на город, окутанный дымом и бесконечным морем огня...

Юная инквизитор, облаченная в ночную рубашку, села в постели, глубоко вздохнула и посмотрела в окно на небо — ясное сияние «Сотворения Мира» все еще висело высоко в небе, а настенные часы, висевшие рядом с окном, показывали, что уже далеко за полночь.

Ей казалось, что она прожила в кошмаре целое столетие.

Ванна встала, включила свет и подошла к туалетному столику, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Она прошептала имя Богини Бурь и обрела внутренний покой, после чего вздохнула и сказала сама себе, как бы успокаивая:

— По крайней мере, теперь мне не снится этот корабль...

Как только она это сказала, она вдруг услышала шаги из коридора, а затем стук в дверь:

— Ванна? Ванна, тебе приснился кошмар?

Это был голос ее дяди — самого почитаемого консула города-государства.

— Я в порядке. — Ванна успокоилась, затем поправила одежду и встала, чтобы открыть дверь в свою комнату.

В дверях стоял Данте Уэйн, седовласый, сероглазый, не слишком дородный мужчина средних лет, который, очевидно, тоже только что проснулся. Кое как натянувший на себя одежду, он с беспокойством посмотрел на племянницу, как только дверь открылась.

Потеряв глаз в результате несчастного случая, он теперь обладал рубиновым глазом —

внутреннюю часть которого покрывали золотые прожилки, — а вокруг него виднелись ужасные шрамы, полученные одиннадцать лет назад, что придавало его лицу устрашающий вид.

Но Ванна уже давно привыкла и знала, что ее дядя на самом деле — щедрый и справедливый человек.

— Мне приснился дурной сон, — сказала она, протирая глаза, — не думала, что разбужу тебя.

— Ничего страшного, на старости лет я все равно стал плохо спать. — Данте Уэйн с беспокойством посмотрел на Ванну. — Снова приснилось детство?

— Угу, мне снова приснилось то время.

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3323332>